

ОБ АВТОРЕ «ЗАПИСОК»

Иван Дмитриевич Якушкин родился в 1793 году. Первоначальное образование он получил в доме родителей, которые очень заботились об его учении и приглашали для него многих учителей, русских и иностранных. В 1808 году Якушкин был помещен в дом профессора А.Ф. Мерзлякова и затем был «произведен» в студенты по словесному факультету. В университете он слушал лекции по российской словесности у Мерзлякова, по всемирной истории у Черепанова, по российской истории у М.Т. Каченовского, по эстетике у П.А. Савватского, по теории законов и прав знатнейших народов у Л.А. Цветаева, по статистике у И.А. Гейма, по чистой математике у Ф.М. Чумакова, по физике у П.И. Страхова, по военным наукам у Г.И. Мягкого.

В конце 1811 года Якушкин поступил подпрапорщиком в Семёновский полк и в составе этого

полка участвовал в походах и сражениях 1812, 1813 и 1814 годов. За сражение под Бородиным Якушкин получил знак военного ордена, а за сражение под Кульмом прусский железный крест. В декабре 1812 года Якушкин был произведен в прапорщики. В 1814 году он вернулся с полком из Франции морем в Кронштадт, после чего продолжал службу в Петербурге в Семёновском полку. В 1816 году он был произведен в подпоручики и вскоре перевелся в 37-й егерский полк с чином штабс-капитана, а в 1818 году вышел в отставку в чине капитана.

И.Д. Якушкин был женат на Анастасии Васильевне Шереметевой, у них было два сына, Вячеслав и Евгений. В январе 1826 года И.Д. Якушкин за участие в Тайном обществе был арестован в Москве, отведен в Петербург, где был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Якушкин Верховным судом был отнесен к первому разряду и приговорен к смертной казни отсечением головы, но по смягчении приговора был присужден к двадцати годам каторги.

По отбытии каторги (первоначальный срок был уменьшен высочайшими указами) И.Д. Якушкин был водворен на поселение в Ялуторовск. Здесь на поселении вместе с ним жили Н.В. Басаргин, А.В. Ентальцев, М.И. Муравьев-Апостол, кн.

Е.П. Оболенский, И.И. Пущин, В.К. Тизенгаузен. Весь этот кружок декабристов оставил глубокий след в жизни Ялуторовска; в частности же И.Д. Якушкин много содействовал развитию образования среди местного населения. Им были основаны два училища, одно для мальчиков (в 1842 г.), другое для девочек (в 1846 г.); преподавание велось по ланкастерской системе взаимного обучения; главным преподавателем и руководителем всего дела был сам Якушкин. Хотя училища назывались «приходскими», но программа обучения в них применялась широкая, так что проходили начальная алгебра, геометрия, механика. В этих училищах, до отъезда Якушкина из Ялуторовска, окончили курс: в мужском 531 человек, и 191 — в женском.

По силе высочайшего манифеста 26 августа 1856 года Якушкин получил возможность вернуться в европейскую Россию. Ему сначала воспрещено было жить в Москве, он был выслан оттуда; затем ему разрешили приехать временно в Москву для лечения. Но лечиться уже было поздно, и он скончался в Москве в 1857 году. Он погребён на Пятницком кладбище, причём, согласно его воле, на могиле его не поставлено никакого памятника, она только обнесена решёткой. Могила эта находится недалеко от огра-

ды могилы Т.Н. Грановского и рядом с могилой другого декабриста Н.В. Басаргина.

Записки Ивана Дмитриевича Якушкина напечатаны по подлинной принадлежащей мне рукописи. Часть их написана рукою Ивана Дмитриевича, а часть была продиктована им мне и брату моему, Вячеславу.

Евгений Якушкин*

---

* Евгений Иванович Якушкин (1826–1905) — русский юрист, этнограф и библиограф, младший сын декабриста Ивана Дмитриевича и его жены Анастасии Васильевны Якушкиных. С молодых лет ему были близки литературные интересы. Ещё в 1850-х годах Якушкин начал печатать статьи и заметки в журналах по общественной и литературной истории. Зная лично близко многих декабристов, Якушкин собрал много материалов, касающихся их деятельности, ссылки декабристов и пр. По его инициативе были написаны и напечатаны такие важные мемуары, как воспоминания Н.В. Басаргина, И.И. Пущина, Е.П. Оболенского, В.И. Штейнгеля, Якушкина-старшего и других декабристов. Один из тайных корреспондентов литературного и общественно-политического альманаха «Полярная звезда», издававшегося А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. В начале 1860-х годов был близок к тайному революционному обществу «Земля и воля». До преклонных лет находился под наблюдением полиции.

Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пёстрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего рядом солдата: «Ну, славу богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже

между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле.

Император Александр, оставивший войско прежде витебского сражения, возвратился к нему в Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда после не был он так сближен со своим народом, как в это время, в это время он его любил и уважал.

Россия была спасена, но для императора Александра этого было мало. Он двинулся за границу со своим войском для освобождения народов от общего их притеснителя. Прусский народ, втоптаный в грязь Наполеоном, первый отозвался на великодушное призвание императора Александра; всё восстало и вооружилось. В тринадцатом году император Александр перестал быть царём русским и обратился в императора Европы. Подвигаясь вперёд с оружием в руках и призывая каждого к свободе, он был прекрасен в Германии; но был еще прекраснее, когда мы пришли в четырнадцатом году в Париж. Тут союзники, как алчные волки, были готовы броситься на павшую Францию.

Император Александр спас ее; предоставил даже ей избрать род правления, какой она найдёт для себя более удобным, с одним только условием, что Наполеон и никто из его семейства не будет царствовать во Франции. Когда уверили императора Александра, что французы желают иметь Бурбонов, он поставил в непоколебимую обязанность Людовика XVIII даровать права своему народу, обеспечивающие до некоторой степени его независимость.

Хартия Людовика XVIII дала возможность французам продолжать начатое ими дело в 89-м году. В это время республиканец Лагарп мог только радоваться действиями своего царственного питомца.

Пребывание целый год в Германии и потом нескольких месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодёжи, при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос.

Из Франции, в четырнадцатом году, мы возвратились морем в Россию. Первая гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума

и слушала благодарственный молебен, который служил обер-священник Державин.

Во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в Отечество. Я получил позволение уехать в Петербург и ожидать там полк.

Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вместе с ним во фраках взглянуть на 1-ю гвардейскую дивизию, вступающую в столицу. Для ознаменования великого этого дня были выстроены на скорую руку у петергофского въезда ворота и на них поставлены шесть алебастровых лошадей, знаменующих шесть гвардейских полков 1-й дивизии.

Толстой и я, мы стояли недалеко от золотой кареты, в которой сидели императрица Мария Феодоровна с великой княжной Анной Павловной. Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнажённой шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей...

В четырнадцатом году существование молодёжи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих всё старое и порицающих всякое движение вперёд. Мы ушли от них на сто лет вперёд.

В пятнадцатом году, когда Наполеон бежал с острова Эльбы и вторгся во Францию, гвардии был объявлен поход, и мы ему обрадовались, как неожиданному счастью. Поход этот от Петербурга до Вильны и обратно был для гвардии прогулкой. В том же году мы возвратились в Петербург. В Семёновском полку устроилась артель: человек пятнадцать или двадцать офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за

происшествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведение.

В одиннадцатом году, когда я вступил в Семёновский полк, офицеры, сходявшись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую. Полковой командир Семёновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашей артели и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семёновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся. Императора однако же все еще любили, помня, как он был прекрасен в тринадцатом и четырнадцатом годах, и потому ожидали его в пятнадцатом с нетерпением.

Наконец появился флаг на Зимнем дворце, и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было артиллерийских офицеров; они приезжали, но их не пустили во дворец. Полковник Таубе донёс государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость.

Таубе был ненавидим и офицерами и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчакова (главнокомандующий на Дунае и бывший генерал-губернатор Западной Сибири) и еще пять отличных офицеров были высланы в армию.

Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию. До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, например, во время смотра при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск, император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант граф Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря об русских вообще, сказал, что каждый из них или плут или дурак, и так далее.

По возвращении императора в пятнадцатом году, он просил у министров на месяц отдыха. Потом передал почти всё управление государством графу Аракчееву. Душа его была в Ев-